

Алена Яворская

Театр «Крот», Вера Инбер и «Девушка из Нагасаки»

В 1918 году закончилась Первая мировая война. В 1920-м – Гражданская. Начинается мирная жизнь. Народ хочет зрелищ, а поэты – хлеба. В такой ситуации и возникает в Одессе в 1921 году театр «Крот».

Об этом театре, его репертуаре и актерах уже были отдельные публикации на страницах альманаха*, но все же хочется составить достаточно полную картину существования этого, пожалуй, слишком легкомысленного и веселого для того сурового времени театра, повторяя вновь некоторые тексты.

Итак, город Одесса, год 1921.

«Если б какой-нибудь любознательный чужеземец прошелся у нас сейчас по Дерибасовской-Лассалю тож, и взял бы на себя нелегкий труд прочитать все «анонсы» и плакаты театров, расцветившие всеми цветами радуги улицы и перекрестки, – то он, несомненно, решил бы, что Одесса стала театральными Афинами, и что одессит живет не столько хлебом и воздухом, сколько «Гамлетом» и «Женщиной, которая изобрела любовь»**, – таково мнение газеты «Моряк» о театральной ситуации в городе. В той же газете регулярно сообщают о репертуаре театра «Крот», который открылся в марте 1921 года в подвальном помещении на углу

* Инбер В. Ад в раю // «Дерибасовская – Ришельевская». Одесский альманах. Кн. 34. – Одесса, 2008, с. 214-229. Публикация А. Яворской.

Рина Зеленая. Разрозненные страницы... – Там же, с. 230-235.

Кравцов Я. Театр в подвале... Там же, с. 236-240.

** А. Свет и тьма // Моряк: Краевая газета Черного, Азовского и Каспийского морей. – Одесса, 1921, 21 сент., № 131, с. 4.

Екатерининской и Театрального переулка, недалеко от оперного театра, и просуществовал почти полтора года.

Название «Крот» обыгрывалось дважды: это и аббревиатура «Конфрерия рыцарей острого театра», и намек на подвальную сцену – ведь крот живет под землей. Руководителем театра был режиссер и актер Виктор Типот. А участвовали в спектаклях среди прочих поэтесса Вера Инбер и совсем молодая артистка Рина Зеленая, в 1919-м закончившая Московское театральное училище.

К тому времени тридцатилетняя Вера Инбер была автором двух поэтических сборников. Первый, «Печальное вино» (1912), она издала в Париже, где провела четыре года (1910-1914), второй, «Горькая улада» (1917), – в Петербурге.

«Театр пользовался большим успехом у молодежной аудитории преимущественно интеллектуального уровня, отличаясь от грубоватых коллективов ТРАМов (Театр рабочей молодежи). Подвергался строгому контролю реперткома, был под постоянной угрозой сокращения и закрытия»^{***}, – писал одесский краевед В. Гридин.

В справочниках даты существования театра указаны неточно, разнятся и расшифровка названия. Так, например, о Викторе Типоте – организаторе, режиссере и душе театра – «Энциклопедия циркового и эстрадного искусства» сообщает: «1918-1922 руководитель, автор, режиссер, актер и конферансье Одесского театра миниатюр «Крот» («Конгрегация рыцарей острого театра»).^{****}

Неправильно указано время существования театра и в статье о Рине Зеленой: «Сценическую деятельность начала в Одессе: в 1919-21 в театре КРОТ (Конфрерия рыцарей острого театра)». ^{*****} Украинские источники сообщают о деятельности «Крота» в Москве, хоть туда переехали лишь бывшие актеры театра. ^{*****}

^{***} Шахлиевич А. Одесские ТРАМы и драмы. <http://porto-fr.odessa.ua/1997/27/27-142.htm>

^{****} Энциклопедия циркового и эстрадного искусства <http://www.ruscircus.ru/encyc?func=text&sellet=%D2&selword=2650>

^{*****} Большая российская энциклопедия https://bigenc.ru/theatre_and_cinema/text/1991566.

^{*****} «В Одесі після встановлення рад. влади організовано К. «КРОТ» (рос. «Конгрегация рыцарей острого театра»; від 1922 діяло у Москві), в трупі якого працювали В. Типот, В. Инбер, Р. Зелена, Д. Ойстрах». – Сучасна українська енциклопедія http://esu.com.ua/search_articles.php?id=11952.

Первым летописцем «Крота» стала Вера Инбер – актриса театра и автор пьес – в повести «Место под солнцем» (1928). Она называет театр «Созеп», Типот выведен под именем Аркадия Грама.

«Аркадий Грам, хитрый и веселый человек. Грам не любил, чтобы люди грустили: ему самому нельзя было отказать в умении создавать своеобразное и не вполне благополучное веселье, когда жизнь начинает казаться сборником неизданных анекдотов. <...> Аркадию Граму предназначалась роль режиссера в центросюзном начинании».*

Вспоминала Типота и Рина Зеленая, с блеском выступавшая на сцене «Крота»: «Наш режиссер Виктор Типот, химик по образованию, будущий автор первых советских оперетт «Свадьба в Малиновке», «Вольный ветер», «Сын клоуна» и других, был не только режиссером, но и автором, и завитом, и худсоветом, хотя в худсовет входили также Вера Инбер, которая уже тогда была Верой Инбер, Е.А. Левинсон, А.Н. Фрумкин, будущий академик, известный всему миру химик.**

В ее интерпретации театр «Крот» возник как продолжение домашних театральных постановок: «И люди здесь были другие совсем: молодые, они были образованными, умными в разной степени, воспитанными и демократичными. Их, совсем разных, объединяла любовь к театру, к сцене. Уже давно, многие годы, у себя в домах они устраивали спектакли. Сами писали пьесы или переводили в стихах и прозе, делали костюмы, пели, танцевали для своих друзей и знакомых. Теперь они хотели показывать эти спектакли зрителям, всем желающим».**

О том, что «Крот» вырос из домашних спектаклей, вспоминала костюмер театра и жена режиссера Виктора Типота Надежда Блюменфельд:

«Зимой в начале 1919 года при белых есть было нечего, но мы, молодежь, как-то этого и не замечали, много смеялись,

* Инбер В. Избранные произведения в 2-х т. Т. 2. – Москва: ГИХЛ, 1954, с. 127.

** Рина Зеленая. Разрозненные страницы. – Москва, Всероссийское театральное общество, 1981, с. 24.

*** Рина Зеленая. Разрозненные страницы... с. 23.

жизнь шла своим чередом. <...> Вот тогда-то и затеяли домашние спектакли. Но после прихода советской власти дело изменилось: начали организовываться кооперативы. Возник Центросоюз. Его директор посмотрел наши спектакли, предложил устраивать их официально, организовать театр. В городе зрелищ никаких еще не было.

Назвали новый театр «Крот». Спектакли давали по субботам. За это получали бутерброды. А вы знаете, что значит в голодное время – бутерброды?

Здесь шла первая пьеса Багрицкого «Месть Калиостро»****. (Типот играл Калиостро, а Инбер – его даму)».*****

Тем не менее о первых спектаклях театра пресса сообщает лишь в начале сентября 1921 года: «Театр Крот. Первые два спектакля-дебюта театра Крот в клубе им. Гифона прошли с большим успехом, ввиду чего группа намерена поставить целый ряд таких спектаклей. В субботу, 10-го, и в воскресенье, 11-го, состоятся очередные спектакли при участии певицы Добровольской, поэтессы Веры Инбер, Типота, Полякова и др.»*****

Газеты сообщают о нескольких спектаклях в неделю, но воспоминания участников этому противоречат, достаточно противоречивы и сведения о зрителях. Яков Кравцов, один из молодых актеров театра, вспоминал: «Спектакли ставились раз в неделю, по-моему, по субботам или воскресеньям. Билеты распространялись только среди знакомых, в открытую продажу

**** Пьеса в стихах Э. Багрицкого и Г. Шенгели «Месть Калиостро» опубликована В. Перельмутером: «Дерибасовская – Ришельевская». Одесский альманах. Кн. 46. – Одесса, 2011, с. 247-258.

***** В прессе о постановке водевиля в «Кроте» сведений нет, есть информация «В театре Государственных производственных мастерских принята к постановке пьеса-водевиль местных поэтов Георгия Шенгели и Эдуарда Багрицкого «Калиостро». Уже приступлено к работам по изготовлению эскизов декораций». – Б. п. Театр // Моряк – 1921, 7 сент., № 123, с. 4. Спектакль не был поставлен. По воспоминаниям Н. Данилова, роль Калиостро играл Э. Багрицкий, который перед премьерой перестал ходить на репетиции. – Данилов Н. Месть Калиостро / Эдуард Багрицкий: Воспоминания современников. – Москва: Советский писатель, с. 78-79.

***** Скорино Л.И. Писатель и его время: Жизнь и творчество В.П. Катаева. – Москва: Советский писатель, 1965, с. 127.

***** Б. п. Театр // Моряк, – 1921, 8 сент., № 124, с. 4.

не поступали. Зрители была постоянные – молодежь, студенты, интеллигенция».*

Прима «Крота», актриса и автор текстов, Вера Инбер писала: «Спектакль шел как по маслу, и переполненный театр (двести пятьдесят зрителей: такова была его вместимость) аплодировал нам из всех сил своих пятисот ладоней».**

Но все сходятся в том, что репертуар меняли еженедельно. Рина Зеленая: «...нужно было петь, танцевать, переодеваться каждую минуту, играя по пять ролей в один вечер. Для меня перестал существовать голод и холод. Целые дни надо было работать, чтобы менять программу каждую неделю. Репетиции, спектакли – ведь зрители платили деньги, которые делились между всеми».**

Вера Инбер гордо писала о том же, впрочем, намекая на некую политическую отсталость: «По совести, нельзя сказать, чтобы все написанное нами было вполне созвучно эпохе. Положительно, были отклонения от правильной линии, но это объяснялось тем, что мы каждую неделю давали новую программу: ведь публика у нас всегда была одна и та же. Каждую неделю! За это многое простится».**

Газеты сообщают: «В субботу 24-го и вторник 27-го сентября в театре имени Гифона состоятся очередные спектакли труппы «Крот» под упр. Виктора Типота. В этот цикл включены лжеоперетта «Венское веселье», буффонада Веры Инбер «Ад в раю»**** и др.*****».

По словам Рины Зеленой: «В. Инбер очень увлекалась своей театральной работой, ждала с нетерпением рецензий. В каждой программе она писала для себя очаровательную крошечную миниатюру. Действие всегда происходило в Вене. Действующие лица – Она, Мици и ее муж, толстый немец (всех немцев играл

* Кравцов Я. Театр в подвале. Рукопись, датируется 1960-ми гг. Одесский литературный музей, архив, б. н. [без номера].

** Инбер В. Избранные произведения в 2-х т. – Т. 2, с. 131.

*** Рина Зеленая. Разрозненные страницы... с. 23.

**** Инбер В. Избранные произведения в 2-х т. – Т. 2, с. 131.

***** Рукопись буффонады «Ад в раю» в форме самодельной тетради, шифр Р-54, хранится в фондах Одесского литературного музея. Опубликовано: Инбер В. Ад в раю // «Дерибасовская – Ришельевская». Одесский альманах. Кн. 34. – Одесса, 2008, с. 214-229. Публикация А. Яворской.

***** Б. п. Театр // Моряк. – Одесса, 1921, 24 сент., № 133, с. 4.

Митя Кесслер – впоследствии крупный инженер-энергетик в Москве. Он всегда играл туповатых и толстых персонажей в нашем театре)».*****

30 сентября 1921 газета «Моряк» сообщает о другом, совершенно новом репертуаре следующего выступления: «В ближайшую программу театра Крот включены произведения местных авторов «Картофель в мундире» Ф. Багрова, «Царь Рауль» – балаганное действо И. Вершинина, «Лулу и господин во фраке» – Веры Инбер».*****

Актер театра «Крот» Яков Кравцов (он же одновременно и журналист газеты «Моряк») оставил воспоминания о театре, где перечислил ряд актеров и довольно подробно описал большинство пьес, о которых сообщали театральные афиши 1921-22 годов.

«На том же Австрийском пляже я свел знакомство с Виктором Яковлевичем Типотом – руководителем весьма своеобразного любительского театра «Крот». <...> Так вот, по приглашению Виктора Типота я и стал актером этого театра, будучи одновременно газетчиком. В театре «Крот» выступали: Виктор Яковлевич Типот, Вера Михайловна Инбер, Рина Васильевна Зеленая и ее сестра Зинаида Васильевна (балерина), Анна Черткова, Федор Поляков, Дмитрий Кесслер, Владимир Ландау. <...> Была еще Надежда Семеновна Можаровская, наш бессменный аккомпаниатор. Она окончила Берлинскую консерваторию, а в театре стала нашим «концертмейстером». С ее помощью мы с Виктором Типотом создавали свои оперетты и другие музыкальные, обычно одноактные, пьески. Я жил в том доме, где процветало знаменитое в свое время кафе Робина и где помещался театр Миниатюр (как его в шутку прозвали, «Театр имени ТЮР») – здесь ставились оперетты, и мне с самого детства были знакомы многие мотивы. Я их напевал, Виктор Яковлевич сочинял слова, Надежда Семеновна это проигрывала. Вот так и получались наши собственные оперетты. Помню одну из них. Называлась она «Долли Файф, или Венская жизнь» (очевидно, имеется в виду лжеоперетта «Венское веселье» – А. Я.). Я в ней играл героя-ловеласа Виконта де Бражелона, а Рина Зеленая кафешантанную диву Долли Файф. В свои

***** Рина Зеленая. Разрозненные страницы... с. 25.

***** Б. п. Театр // Моряк. – Одесса, 1921, 30 сент., № 137, с. 4.

17-18 лет я выступал во фраке и цилиндре, в твердой манишке с такими же накрахмаленными манжетами и в лаковых туфлях. Все это «снаряжение» заимствовал у нашего соседа, зубного врача Якова Семеновича Плоттера, который, видимо, сохранил свою «амуницию» еще со времен свадьбы. Исполняя по ходу пьесы песенки и канканы, я выглядел в этом фраке и шапокляке довольно импозантно, но, очевидно, и смешно. <...>

Весьма популярным был тогда «Гимн Кротов». Вся труппа перед началом спектакля выходила на сцену, впереди наши девушки в кротовых кофточках, и хором пели:

Смиранный крот
В земле живет,
Во мраке и тиши.
Родит детей
В норе своей
И счастлив от души.
Но мы, наземные кроты,
Не так проводим дни:
Мы любим солнце и огни,
Улыбки и цветы...

Припев:

В зной ли, в холод
Будешь ты стар или молод,
Каждый с радостью придет
Посетить веселый «Крот».
В вечер синий,
Будет то дождь или иней,
Сгладят хмурые черты
Бодрые кроты...*

Большой успех имела песенка Веры Инбер «Веселые голландцы». Она выходила на сцену в национальном костюме этой страны, стройная, миниатюрная, и своим тонким приятным голоском пела:

* Автора гимна установить пока не удалось.

Нас к вам прислала наша мама,
Мы к вам пришли из Амстердама...**

И припев:

В милой Голландии славно живется,
Курица трижды там в сутки несется,
Ну а коровы – это не ново –
Бродят там гурьбой...
Сливки голландских не сыщете слаще,
Черных тюльпанов там целые чащи,
Вместо ромашек
Лен для рубашек
Вырос сам собой...

При этом Вера Михайловна еще очень мило и нарочито неуклюже пританцовывала. Этот номер неизменно вызывал шумные аплодисменты. <...> Музыка к этим и другим сольным номерам неизменно сочиняла Надежда Можаровская. И эти песенки «кротов» распевали многие одесситы. Репертуар тогдашнего «подземного» театра был самый разнообразный. Точного распределения ролей, обычного профессионализма не было и в помине. Все выступали в различных жанрах. <...>

Ставили «Черепослов, сиречь френолог» – оперетту в трех картинах, сочинение Петра Федотыча Пруткова (отца). В ней я играл роль фельдшера Иванова. Шли «Революция в колоде карт»***,

** «Ныне седовласая маститая и «орденоносная» Вера Инбер в те годы начала в подвальном кабаре – «Коробочка», где писала тексты для таких песенок, как:

«Нас к вам прислала мама. Мы к вам пришли из Амстердама». – Волков А. Четверть века на театре // «Дерибасовская – Ришельевская». Одесский альманах. Кн. 34. – Одесса, 2008, с. 207.

*** Рина Зеленая вспоминала об этой пьесе: «Появились попытки отразить современность: восставала против короля червей колода карт». – Разрозненные страницы... с. 24. В воспоминаниях Н. Блюменфельд указывает автора: «Вера Инбер написала две пьесы в стихах – «Шахматы» и «Карты», где символически говорилось о революции». – Скорино Л.И. Писатель и его время, с. 128.

«Немая жена»* с Риной Зеленой в главной роли, «Паноптикум»**, «Голубой бриллиант», «Фокусник Бенали»***, «Ад в раю» и многие другие. Нравились публике «Патэ-журналы» (были в то время в моде такие хроникально-видовые киноальбомы, предшественники теперешних «Новостей дня»). Мы их иллюстрировали в живом виде.

Например, Виктор Типот выбегал на сцену в майке и трусах с номером на груди, как заправский спринтер, тяжело дыша, а диктор объявлял, что это победитель на стометровой дистанции. Или Володя Ландау, здоровенный детина, появлялся в коротких штанишках и бархатной блузке с огромным белым бантом, со скрипкой у подбородка. Это был «вундеркинд». Музыки «скрипача» не было слышно – ведь тогда фильмы были немые. Или выходил Митя Кесслер в обычном костюме, а Виктор Типот

* «Немая жена» – комедия в двух действиях А. Франца, шла на сцене петербургских театров миниатюр с 1909 г.

** «Паноптикум» (1914) – пьеса В. Мазуркевича. Она существовала и в форме оперетты, и называлась «Любовь в паноптикуме» (1914). «Театральные миниатюры Серебряного века». Составление, подготовка текста, вступит. статья, биографические очерки и примечания Норы Букс. – М.: ОГИ, 2020, с. 49-50.

*** О выступлении Бен-Али сообщила газета «Моряк» за 20 сентября 1921, с. 4: «Манеж Подиванской (Торговая, 26), сегодня, 20 сентября, первая гастроль сильнейшего в мире гипнотизера Бен-Али. <...> Два спектакля: в 7 ч. и 10 ч. окончание около 11 с пол. ч. Сеансы Бен-Али строго научны и проверены органами РС.Ф.С.Р.».

О нем же писал в стихах В. Ланской:

Суррогат не только в хлебе:
И на сцене суррогат.
–Первый! В мире!! Бен!!! Али!!!!
Разбирайся в пестрой банде!
Эй, подваливай, вали!
<...>
Хлеба! Зрелищ!
... Чем богаты!
Бен-Али! Пассаж! Манеж!
Хлеба, правда, маловато,
Но уж «первых» – только ешь!

В. Ланской: «Чем богаты...» // Моряк, 1921, 24 сент., № 133, с. 4.

бросал в него игральные карты и кромсал их на клочки, поясняя при этом, что он «рвал и метал». Либо подбегал с сантиметром в руках, распускал его сверху вниз и разъяснял популярное выражение: «Он мерил его с ног до головы».^{****}

Дополняет сведения о репертуаре «Крота» Рина Зеленая:

«Шли пародии на оперетты. Потом это стало для всех маленьких театров тривиальным приемом, но тут все было в первый раз, все надо было придумывать самим. Даже балет «Красная Шапочка» был, по-моему, придуман и поставлен впервые. Вера Михайловна Инбер написала для меня и для себя маленький диалог кукол. Она была французская кукла Мариэтта из Прованса, а я – русская Матрешка (по-моему, тогда Матрешка появилась впервые; зато потом – ой-ой-ой!). В финале В. Инбер пела:

Я Мариэтта, родом из Прованса,
Люблю поэта Анатоля Франса.

А Матрешка, впервые заговорившая со сцены, отвечала:

А у нас есть свой поэт московский –
Владимир Владимирович Маяковский».^{*****}

Сама Вера Михайловна в повести «Место под солнцем» перенесла эту сценку в Москву и нарисовала картину ужасающего провала:

«Я стояла на выходе, одетая французской куклой. Кукольный румянец лежал аккуратными кружочками на каждой щеке, вокруг глаз были нарисованы длинные лучеобразные ресницы. На мне был кисейный чепец и бархатный корсаж. Как всегда, перед началом было зябко, и жидкие белила неприятно сохли на голый спине. Моя партнерша, тоже кукла, но русская, деревенская, с кирпичным загаром, подвязывала лапти. Третий партнер, тоже кукла, солдат, стоял рядом, выпрямляя грудь.

Мы встали на наши подставки и окаменели в кукольных позах. Скрипка и рояль заиграли вступление, и пестрый занавес

^{****} Кравцов Я. Театр в подвале...

^{*****} Рина Зеленая. Разрозненные страницы... с. 24.

раздвинулся в обе стороны. В лицо пахнуло теплом, жужжание голосов стало глуше. Мне надо было начинать. Я открыла рот, чтобы произнести под музыку свою первую фразу: «Я Мариэтта, родом из Прованса», – так начиналась эта кукольная комедия, – открыла рот, но ничего не сказала.

Наш скрипач, проворный и молодой, делая вид, что ничего не произошло, вторично заиграл вступление, качая головой и скрипкой и грозя мне глазами. Он снова доиграл до рокового такта, но «Мариэтта родом из Прованса» безмолвствовала. Тогда, не теряя самообладания, он встал со своего места, вылез на сцену, поднес скрипку к моему лицу и, смеясь и напевая, как бы желая растормошить неподвижных кукол, в третий раз заиграл вступление, но глаза его, приближенные к моим, были страшны. Тогда я разжала пересохшие губы и доложила, наконец, ужинающим все, что полагалось».*

В воспоминаниях Кравцов не упоминает рабочих сцены. Этот пробел восполнила Рина Зеленая:

«Рабочим сцены, например, была Люся Гинзбург – угловатая девочка, неловкая, умная до такой степени, что сейчас она доктор филологических наук, профессор-литературовед в Ленинграде, автор многих научных трудов. Она же на занавесе, ей же за все попадает».**

Лидия Гинзбург была младшей сестрой Виктора Типота. Современные исследователи придерживаются мнения, что в ранних ее произведениях некоторые из героев списаны с актеров театра»***.

Кроме перечисленных Риной Зеленой и Я. Кравцовым звезд работали в «Кроте» и другие актеры. «Скупые строчки об остальных выступавших на подмостках сцены «Крота» артистах, таких, как Илья Вершинин, Дмитрий Кара-Дмитриев****, Дмитрий Кес-

* Инбер В. Избранные произведения в 2-х т. – Т. 2, с. 156.

** Рина Зеленая. Разрозненные страницы... с. 23.

*** «Возможно, прототипами героев Гинзбург были сотрудники «Крота» / Савицкий С.А. Частный человек: Лидия Гинзбург в конце 1920-х – начале 1930-х годов. – СПб.: Европейский университет в СПб., 2013, с. 14.

**** Кара-Дмитриев Дмитрий Лазаревич (1888-1972) – русский советский актер театра, кино и эстрады.

лер, Рафаил Корф****, Яков Кравцов*****, Владимир Ландау, Аркадий Погодин (Пиливер)*****, Анна Черткова и др., – можно встретить в энциклопедии «Эстрада в России. XX век» (2004), газетных и журнальных статьях».

В воспоминаниях Я. Кравцов описывает бытовую сторону жизни театра зимой: «...было весьма и весьма голодно и холодно, помещение, естественно, не отапливалось. Зрители сидели в зале в верхней одежде, а актеры под своими нарядами, положенными им по роли, носили фуфайки, простите, трико или теплые кальсоны».

Отдельного разговора заслуживает костюмер – Надежда Блюменфельд. Первой описала ее нежно и немного иронично Вера Инбер:

«Вся наша труппа, вся семерка заболела любовью к «Созэпу». Это была настоящая любовь, с нежностью, с порывами страсти, с ревностью к другим театрам, с бессонными ночами и самозабвением. Достаточно было взглянуть на жену Грама, нашу костюмершу, когда она, бледная от вдохновения, непричесанная и неумытая, вдувала жизнь в старые отцветшие тряпки.

Она одевала нас необычайно, и костюмы ее обладали только одним недостатком: сшитые всегда наспех и в крайней экзальтации, они были непрочны. Они жили один вечер, даже меньше. Иногда здесь же, на сцене, они распадались на две половинки, и актер выпадал из своей одежды.

Бывало и другое: так как запасы ткани были до смешного незначительны, то жена Грама придумала делать костюмы только

**** Корф Рафаил Григорьевич (1893 – 1941/1942?) – русский советский актер, режиссер Московского театра сатиры. Погиб на фронте.

***** Кравцов Яков Григорьевич – журналист, многолетний сотрудник газеты «Моряк», близкий друг К.Г. Паустовского.

***** Пиливер (псевдоним Погодин) Аркадий Соломонович (1901-1975) – советский эстрадный и джазовый певец. Об А. Пиливере, первом исполнителе песни «В парке Чаир» см.: Галяс А. В песне останется жить // Вечерняя Одесса: Общественно-политическая газета. – 2009, 29 янв., № 14 (8948), <http://vo.od.ua/rubrics/kultura/9974.php>.

***** Ратушняк Э. Каждый весело идет навестить задорный «Крот» // Вечерняя Одесса: Общественно-политическая газета. – 2009, 15 янв., № 6 (8940), <http://www.vo.od.ua/rubrics/kultura/9869.php>.

***** Кравцов Я. Театр в подвале...

наполовину, на фасад, которым актер обращен к зрителю. Были такие счастливые роли, когда не нужно было поворачиваться.*

Яков Кравцов вспоминал:

«Костюмером была Надежда Германовна Блюменфельд, жена Виктора Яковлевича Типота, помогли ей ее сестры Евгения и Александра. Надежду Германовну отличал безукоризненный вкус, но, не располагая достаточным выбором, она нередко вынуждена была халтурить, сметывая костюмы, что называется, на живую нитку. И вот бывало, что у кого-нибудь на сцене в самый ответственный момент спадали брюки. Или же приходилось играть, находясь все время к зрителю лицом (не дай бог повернуться спиной – там не было никакого «оформления»).

Однажды у Виктора Типота на сцене отвалилась борода. Ничтоже сумняшеся, он подхватил свою искусственную бороду, положил ее на бутафорский камин и продолжал играть».**

Как правило, анонсы давались и за несколько дней до спектакля, и в тот же день. Они дополняли друг друга. Скажем, если в предыдущем («Моряк», 30 сентября 1921) могли быть указаны авторы пьес, то в следующем («Моряк», 1 октября 1921) сообщалось о песенках и танце. «Перед занавесом. Сегодня в театре «Крот» (Пале-Рояль) в программу спектакля поставлены «Картофель в мундире», «Принцесса Сандрильо», «Куклы» – Веры Инбер, «Собачий вальс» – танец и французские песенки».** Впрочем, необходимо заметить, что авторство Веры Инбер – ведущего сценариста театра – указывалось всегда.

«Кроту» исполнился год. В 1922-м появляются и подробные, не всегда комплиментарные рецензии в журнале «Театр». Но название театра изменяется – реже «Крот», чаще – «бывший Крот» или «2-й малый театр». Меняется и адрес.

«Театр «Крот» (2-й малый театр, помещение бывшего «Красного факела», Колодезный переулок, 9)

От шаблонного типа театра миниатюр «Крот» выгодно отличается литературностью, стремлением к изяществу и утонченности.

* Инбер В. Избранные произведения в 2-х т. – Т. 2, с. 134-135.

** Кравцов Я. Театр в подвале...

*** Б. п. Театр. Перед занавесом // Моряк, 1921, 1 окт., № 138, с. 4.

В нем не все выдержано, правда, в красивую программу вры-
вается довольно грубый номер в виде пародии на паноптикум;
временами отдает любительщиной, дилетантизмом, но налицо
имеются и признаки подлинного искусства. Украшение театра –
Вера Михайл[овна] Инбер, выступающая с прелестным моноло-
гом «Манон Леско и я» и изящной сценкой «Фарфоровые сердца».
Очень мило поет французские песенки Р. Зеленая. Красиво звучат
стихи покойного Гумилева, стихотворение которого «Дон-Жуан
в Египте» инсценировано довольно эффектно. Театр располагает
хорошим любовником в лице Климова и настоящим сочным
простаком (что нечасто встречается) в лице Полякова. Послед-
нему, впрочем, напрасно поручаются иногда совершенно чуждые
ему роли. Тягучую и нудную мимодраму («Сундук Коломбины»)
можно было бы не ставить. Публике театр, по-видимому, пришел-
ся по вкусу: зал полон».****

В том же номере журнала в разделе рекламы объявление:

«2-ой Малый театр бывш. «КРОТ» (Колодезный пер., 9)

В пятницу 31 марта, субботу, 1, и воскресенье, 2 апреля,
СПЕКТАКЛИ 38 ЦИКЛА. В программе «Принцесса Катрин», «Смо-
родинный сок», «Мариетта и Машута», «Голубой бриллиант»
(2 серия) и др.

Руководитель Виктор Типот

Уполномоченный театра А. Шинберг.

Начало в 10 час[ов] по оф[ициальному] вр[емени]»****, *****

В воспоминаниях Яков Кравцов цитирует песенку, очевидно,
из «Фарфоровых сердец»:

«Еще запомнилась такая песенка в исполнении Веры Инбер:

Ее папаша был фарфор,
Он знатный был синьор,

**** Л. К. [Коган Л.Р.?]. Театр «Крот» // Театр: орган художественного сектора
Одесского губполитпросвета. – Одесса, 1922, 28 марта, № 1, с. 14.

***** После Октябрьской революции декретом Совета народных комиссаров
РСФСР от 22 декабря 1917 года (по старому стилю) стрелки часов были переве-
дены на час назад. По воспоминаниям одесских старожилов, в 1920-е гг. в гости
приглашали «в столько-то часов «по ихнему времени».

***** Реклама // Театр. – Одесса, 1922, 28 марта, № 1, с. 3 обложки.

Мамаша же простой фаянс,
Их брак был мезальянс,
Ручки, шейка и головка –
Все прилажено так ловко.
Но пустая я внутри,
Если хочешь – посмотри».*

Практически в каждой рецензии отмечают игру Веры Инбер, Рины Зеленой и Типота.

Шутливая частушка о Рине Зеленой и театре «Крот»

Я служу в театре «Крот» –
Дело немудреное.
Никто замуж не берет,
Говорят – Зеленая!**

была впоследствии широко известна и не менее широко цитировалась.

Критики отмечают:

«Спектакли последнего цикла лучше предыдущих – и в отношении исполнения, и в особенности по репертуару.

«Принцесса Катрин», несомненно, хороший образец подлинной политсатиры. Шаблонная по сюжету, но интересно поставленная мелодрама «Смородинный сок», проводится с большим нервным подъемом; особенно хороша исполнительница центральной роли Лизон – Зеленая. Очень мила кукольная буффонада «Машута и Мариетта». Дружно и весело разыгрывается 2-я серия «Голубого бриллианта» – остроумной пародии на уголовно-детективные фильмы.

Слабым местом программы являются хореографические №№, в особенности ученически исполненный «танец Анитры».

Конферансье Типот выгодно отличается от своих одесских коллег находчивостью и умением создавать живую связь между зрительным залом и сценой.

* Кравцов Я. Театр в подвале...

** Уварова Е.Д. Эстрадный театр: миниатюры, обозрения, мюзикл-холлы (1917-1945). – Москва: Искусство, 1983, с. 75.

Молодое дело растет и крепнет с каждой программой, постепенно освобождаясь от основного своего недостатка – любительской недоделанности».^{***}

Репертуар театра постоянно обновляется. Реклама сообщает: «2-ой Малый театр бывш. «КРОТ» (Колодезный пер., 9). В четверг 6, пятницу 7 субботу 8 и воскрес. 9 апреля СПЕКТАКЛИ 39 ЦИКЛА. В программе «Немая жена», «Венская жизнь», «Урок», «Песенки Конки Джо» и др. АНОНС! С понедельн. 17 по воскрес. 23 апреля ежедневно спектакли 40-го (праздничного) цикла и детские утренние спектакли.

Руковод. Виктор Типот. Уполном. театра А. Шинберг.

Начало в 10 час. по оф. вр.».^{****}

В праздничном цикле была исполнена ставшая уже известной песня «Девушка из Нагасаки» на стихи Веры Инбер. Бытует ошибочное мнение, что песня была написана в середине-конце 1920-х годов, но первое известное печатное упоминание о ее исполнении датируется декабрем 1918:

«Программа кончается и начинается настоящее. Шумное, бурное, внезапное. Откуда-то звенит гитара. Пьяная, нежная гитара де Лазари.

«Шарабан мой, шарабан».

Это Раисова. Сама Раиса Михайловна. И вас охватывает жгучая истома наивной мелодии. Хочется плакать или безумно, радостно смеяться. Отлетают назойливые мысли дня, и новый голос звенит под гитару.

«Он юнга, родина его Марсель».

«Девушка из Нагасаки». Ильсаров. Поднимается поэт. Бледный юноша с перевязанным лбом читает о распятой России и обезьянке Марго. И никого не смешит это сочетание. Каждое слово доходит до обостренного раскрытого сознания».^{*****}

В третьем номере журнала «Театр» сразу три информации о жизни «Крота» – о репертуаре и будущих постановках, пополнении труппы и бытовых условиях:

^{***} Б. п. Театр «Крот» // Театр. – Одесса, 1922, 4 апреля, № 2, с. 10.

^{****} [Реклама] // Театр. – Одесса, 1922, 4 апреля, № 2, с. 3 обложки.

^{*****} «Красный кабачок» (Сумская, 6) // Театральный журнал. – Харьков. 1918, 22 дек., № 7, с. 10.

«На пасхальной неделе во 2-ом Малом театре (б. «Крот») будут поставлены 2 цикла (41 и 40й). В программу включены: «Девушка из Нагасаки [так!]» с 4-х точек зрения (по Чехову, по Маяковскому, по балетному и по оперному), «Торжество Панталона» или «Испуганные кавалеры» – комедия дель-арте, «То, чего не было, нет и не будет» («Диктатура женщин») и друг.

Театр б. «Крот» организует цикл детских спектаклей. К постановке намечены: «Джунгли» («Жизнь Маугли») по Р. Киплингу, «Принц Свинопас» по Андерсену, «Ванины именины» по Мамину-Сибиряку, «Если бы я был принц» и др. Первый спектакль состоится 23 апреля.*

В информацию вкрадываются опечатки – искажено название стихотворения В. Инбер «Девушка из Нагасаки», неправильно указаны инициалы Рины Зеленой: «Состав труппы театра б. «Крот» пополнился актерами б. «Свободного театра» Илимовым, Назаровым, Шимковским и краснофакельцем** Бузичем, которые вместе с прежними премьерами труппы С. [так!] Зеленой, В. Инбер и Поляковым составляют ныне основное ядро труппы»***

Театры того времени не только испытывают недостаток в костюмах и декорациях – и для актеров, и для публики поход в театр дело опасное: могут ограбить. Часто спектакли переносят из-за отсутствия света: «Ввиду неисправного функционирования городской электрической станции администрация драматич. театра им. Шевченко и 2-го Малого театра «Крот» приняты меры, чтобы предотвратить отмену очередных спектаклей. В связи с этим театры переключаются в сеть блокстанции быв. «Московской гостиницы»****

В рекламе более подробная информация о спектаклях 40-го и 41-го цикла: «В воскресенье 16, понедельник 17, вторник 18 и среду 19. В четверг 20, пятницу 21, субботу 22 и воскресенье 23 апреля СПЕКТАКЛИ 40 41 цикла»*****

* Б. п. [Хроника] // Театр. Одесса, 1922. № 3, 14 апр., с. 16.

** Актер театра «Красный факел». В помещение этого театра перебрался «Крот».

*** Б. п. [Хроника] // Театр. – Одесса, 1922, 14 апр., № 3, с. 15.

**** Б. п. [Хроника] // Театр. – Одесса, 1922, 14 апр., № 3, с. 16.

***** [Реклама] // Театр. – Одесса, 1922, 14 апр., № 3 [с. 20].

«Девушка из Нагасаки» в обоих случаях указана первым номером, четвертым – «Музыкальные и хореографические антракты». Далее репертуар различался.

40 цикл:

«1) «Девушка из Нагасаки «с 4-х точек зрения (по Чехову, по Маяковскому, по балетн., по оперному)

2) «Торжество Паталона»

комедия дель-арте

3) «Версальские кружевницы»

41 цикл:

«1) «Девушка из Нагасаки «с 4-х точек зрения (по Чехову, по Маяковскому, по балетн., по оперному)

2) «То, чего не было, нет и не будет»

Фантаз. в 3-х сц. с прол.

3) «Игра» драмат. сцена Н. Гумилева

В воскресенье 23 апреля открытие цикла детских спектаклей театра б. «Крот».

Начало спектаклей: вечерних – в 10 ч. веч. по оф. вр.

утренних – в 2 ½ дня по оф. вр.»*****

В последнем номере журнала вновь рецензия на спектакли театра:

«Лицо молодого театра с каждой новой программой становится все серьезнее, задания его все углубленнее, а исполнение – все менее и менее любительским и дилетантским.

Последняя программа включает в себя – пьеску из истории борьбы бонапартистов и Бурбонов «Эмилия Лавалетт», недурно переданной артистами Зеленой, Климовым (прекрасным любовником) и Поляковым.

Очень забавно сделана пародия на трансформацию, исполненная под хохот всего зала, мужским составом труппы.***** Скучноват опыт исторического исследования «В отсутствие супруга».

Все же театр пытливо ищет путей своего жанра, путей очень трудных и еще, конечно, далеко не найденных.

В. Типот – еще не совсем опытный конферансье, но именно отсутствие типично актерских приемов и навыков, отсутствие

***** [Реклама] // Театр. – Одесса, 1922, 14 апр., № 3 [с. 2 обложки].

***** Очевидно, речь идет о спектакле «То, чего не было, нет и не будет».

шаблона – составляет большой плюс в этом безусловно культурном руководителе театра.

Заметно отражается на репертуаре театра отсутствие В. Инбер.*

В другой заметке сообщают об изменении в графике работы и ближайших премьерах:

«С 10 мая в театре «Крот» спектакли пойдут 5 раз в неделю (среда, четверг, пятница, суббота и воскресенье). Ежедневно будут даны 2 цикла.

Ближайшие новинки «Крота» – обстановочная опера «Менестрель» и гротеск из истории франц. революции «Жозеф Барра».

Готовится группой театра «Крот» специально детский спектакль. Пойдет пьеса «Свинопас». Пишутся оригинальные декорации.**

4, 5, 6 и 7 апреля в «Кроте» шли спектакли 43 цикла. В программу входили: «Жозеф Барра» – рев. гротеск, «Свирепый американец и его соперники» и др.***

В прессе информация о репертуаре и предстоящем вечере Виктора Типота: «Сегодня в театре «Крот» – повторение новой программы 46 цикла. В программе: пародия на уголовно-детективно-спортивный трюковый киноман «Голубой бриллиант» в 4-х сериях.**** Завтра – детский спектакль. В четверг, 1 июня, в театре «Крот» вечер руководителя, автора, конференсье и актера театра Виктора Типота.*****

После вечера появляется небольшая заметка в газете «Вісті-Известия»:

«Театр «Крот» – вечер Виктора Типота.

Программа обширная и несколько утомляющая зрителей. Все же в ней были занимательные миниатюры. Наиболее стройно была сыграна пародия В. Инбер «Ад в раю». Остроумные частушки, посвященные бенефицианту, спела Рина Зеленая. Хорошо задумана

* Б. п. «Крот». Театр. – Одесса, 1922, 2 мая, № 4, с. 8.

** Б. п. В театре «Крот» // Театр. – Одесса, 1922, 2 мая, № 4, с. 13.

*** [Реклама] // Театр. – Одесса, 1922, 2 мая, № 4, с. 20.

**** «В программе был даже многосерийный детектив «Голубой бриллиант» В. Инбер и В. Типота. Для каждой программы писалась новая серия», – Рина Зеленая. Разрозненные страницы... с. 24.

***** Б. п. Театр // Вісті-Известия. – Одесса, 1922, 27 мая, № 740, с. 2.

балетная сценка «Черный офицер». Совсем неинтересна пьеска «В гостях у Чарли», состряпанная по американскому меню.

Следовало бы завести в театре музыкальные антракты, это несколько оживило бы длинноты.

Только на этом вечере удалось посетителям расшифровать название театра «Крот». Оказалось, что это означает «Кружок работников остроумного театра».

Название, конечно, хорошее. Содержание театра, однако, значительно отстает».*****

Итак, название зрителям разъяснили через год. А вот некоторые актеры узнали об этом почти полвека спустя.

«До самого последнего времени я представлял, что название свое театр получил потому, что размещался в подвале, в Театральном переулке «под землей». Но недавно один из организаторов и основных актеров театра того периода Дмитрий Осипович Кесслер разъяснил мне, что стал он именоваться по первым буквам весьма выпяченного, но, как казалось по тем временам, звучного сочетания первых букв слов: «Конфрерия рыцарей острого театра».*****

Кравцов описывает и причину того, почему «Крот» просуществовал так недолго: «Наступило время, когда нашу молодежь потянуло в Москву. Уехали Вера Михайловна Инбер, Рина и Зина Зеленые, Виктор Яковлевич Типот. Тогда и закончил свое существование театр «Крот».*****

Бесспорно, Вера Инбер была ведущим драматургом «Крота», а ее пьеса «Ад в раю» – одной из самых популярных в репертуаре. Рина Зеленая упоминает ее вскользь: «Шла у нас пьеса «Ад в раю» – миниатюра в стихах В. Инбер о невыносимой обстановке, сложившейся в раю для Адама и Евы».*****

А вот автор пьесы, опять же перенося постановку в Москву, пишет не только о самой пьесе, но даже и о костюмах главных действующих лиц. И, как и в случае с «Мариэттой из Прованса»,

***** В. в. «Крот» – вечер Вик. Типота // Вісті-Известия. – Одесса, 1922, 3 июня, № 746, с. 2.

***** Кравцов Я. Театр в подвале...

***** Кравцов Я. Театр в подвале...

***** Рина Зеленая. Разрозненные страницы... с. 25.

пишет о провале. «Скетч» об Адаме и Еве увидел, наконец, свет рампы. В качестве «гвоздя» он был оставлен на второе отделение программы, и это обстоятельство погубило его».*

Тем не менее она и подробно описывает возникновение замысла, и пересказывает сюжет.

«Если верить библии, этой почтенной старой книге, все мы произошли от Адама. Но, независимо от того, произошли мы или нет, независимо от того даже, существовал ли Адам на свете, его облик чрезвычайно любопытен. Его история – это первая история любви на земле, отмеченная литературой.

Возникновение Адама, чудесное превращение его ребра в юную золотоволосую Еву, их любовь, яблоня райского сада – вся эта история известна всем. Но далеко не все поставлены в известность, что Ева была вторая жена Адама, что Адам был женат дважды. Что, кроме Евы, у него была еще одна жена, первая по счету, которая именовалась Лилит.

В противоположность Еве, созданной из мужниного ребра и тем самым лишенной индивидуальности, Лилит была сотворена из горсти земного праха и ночного воздуха. Хотя и по-иному, чем Ева, она была прекрасна. Ее походка была исполнена лунного скольжения, черные волосы окутывали ее всю. Она была умна и склонна к ведовству. Она варила тайные зелья и собирала травы. Адам не мог с ней ужиться. Она вела себя так плохо, что была лишена звания жены первого человека. Ее постигла печальная участь. <...>

Впрочем, все это несущественно. Достоин упоминания только то, что, истощив все свои темы для «Каравая», использовав свое небольшое знание современности, я отпрянула назад, в библейские времена. Таким образом, благодаря мне Лилит приобрела широкую и, как вскоре выяснилось, довольно печальную популярность в нэпманских кругах, посещавших «Каравай».

Созданные мною персонажи получили окончательное воплощение в нашей костюмерной. Лилит как демоническое начало была окутана в черный шелк. На лбу ее ночным блеском горел лунный камень, и ее рукава были широки и перепончатые, как крылья летучей мыши. Ева была кудрява, стрижена. От райско-

* Инбер В. Избранные произведения в 2-х т. – Т. 2, с. 165.

го солнца она покрылась легким золотом веснушек. Адам был русский юноша, несколько ленивый, в шелковой косоворотке; отмечено было, что он не любит бриться. Змей – янтарный брюнет в сумрачной пижаме. Кроме перечисленных лиц был «Ангел для услуг», с крыльями и в переднике. Он носил ключи у пояса и заведовал кухней.

Первый акт уяснял «Каравая» взаимоотношения Адама и Лилит. Их семейная жизнь не ладилась; она протекала в причудливо обставленном полутемном покое. Хозяйство шло вкривь и вкось. Ангел был растерян. Змей наблюдал издали. Все кончилось бурным уходом Лилит.

Обстановка второго акта радовала зрителя обилием света, плетеной дачной мебелью, атмосферой «дома отдыха», где отдыхал Адам после операции извлечения из него ребра. Ева кормила его манной кашей и целовала плохо выбритую щеку. Она порывалась испечь ему яблоко, зная, что это полезно выздоравливающим, но Адам просил ее воздержаться: он боялся яблок.

Все шло бы хорошо в этом счастливом доме, если бы не Змей. Это он внушил Еве мысль, что слушаться мужа необязательно. Это он поднес ей яблоко, надкусив которое, она ощутила свою женскую прелесть. Это он смутил ее янтарной гладкостью идеально выбритых щек. Это он, наконец, раздвинув листья винограда, показал ей далекий мир, полный соблазнов. Это он, это он, это он.

Ева уходит со Змеем из светлого дома, Ангел потрясен, Адам снова одинок. Он сиротливо сидит под фиговым деревом, спелая фига падает к его ногам: это все.

Алексей Алексеевич остался чрезвычайно доволен результатами моего творчества. В его пылком юношеском соображении невинная шутка на двадцать минут превратилась в антирелигиозную сатиру, под красотью формы скрывающую огненные мечи сарказма, способные пронзить сердца ночных посетителей «Каравая» и обратить их в неверие. С его точки зрения, это была настоящая «благоуханная и современная вещь», в которой нуждался его театр.

У меня были сомнения на этот счет, но я молчала.**

** Инбер В. Избранные произведения в 2-х т. – Т. 2, с. 163-165.

Кабаретное творчество Инбер два ее современника, имевшие возможность оценить чтение стихов самой поэтессой, оценивали диаметрально противоположно. В советской стране Эдуард Багрицкий в рецензии на книгу «Бренные слова» писал: «...резким и неприятным диссонансом звучат юмористические стихи, помещенные в конец сборника. Слишком много в них буржуазно-слащавого и северянински-ресторанного».*

А вот эмигрант Дон Аминадо придерживался иной точки зрения:

«...жеманная поэзия Веры Инбер, воспевавшей несуществующий абсент, парижские таверны и каких-то выдуманных грумов, которых звали Джимми, Тэдди и Вилли.

<...>

Никаких звездных путей она не искала, но, обладая несомненной одаренностью, писала манерные и не лишённые известной прелести стихи, в которых над всеми чувствами царили чувство юмора и чувство ритма.

Миниатюрная, хрупкая, внешне ни в какой мере не убедительная – недоброжелатели называли ее рыжиком, поклонники – златокудрой, – она, помимо всего, обладала замечательной дикцией и знала толк в подчеркиваниях и ударениях.

Читая свои стихи, она слегка раскачивалась из стороны в сторону, сопровождая каждую цезуру притоптыванием маленькой ноги в лакированной туфельке.

В стихах чувствовались пружины, рессоры, покачивания шарабана, который назывался кэбом.

Милый, милый Вилли! Милый Вилли!
Расскажите мне без долгих дум –
Вы кого-нибудь когда-нибудь любили,
Вилли-Грум?!

Вилли бросил вожжи... Кочки. Кручи...
Кэб перевернулся... сделал бум!

* Desi [Э. Багрицкий]. Вера Инбер. Бренные слова / Театр. – Одесса, 1922, 4 апреля, № 2, с. 16.

Ах, какой вы скверный, скверный кучер,
Вилли-Грум!»**

«Буржуазно-слащавые стихи», которые, скорее всего, исполнялись со сцены «Крота», вошли в сборник стихов Инбер «Бренные слова», изданный в Одессе в 1922 году тиражом 1000 экземпляров. В 2000 году книга была переиздана,*** в нее вошли кроме стихов еще и статьи о моде. Но тираж, увы, был всего 150 экземпляров.

Из книги «Бренные слова»

* * *

Как объяснить сей парадокс?
Сам черт себе ломает ножку:
Случилось так, что некий фокс,
Что фокстерьер влюбился в кошку.

И нежно-приторен стал фокс.
Он пел, рыдал румынской скрипкой;
Он говорил: – У ваших ног-с
Готов я умереть с улыбкой!

Я дал бы хвост свой отрубить,
Когда бы не был он отрублен,
Чтобы поехали вы жить
Со мной в Чикаго или Дублин!

В стране, где выдумали бокс,
Ничьи б не привлекало взоры,

** Дон Аминадо. Наша маленькая жизнь: Стихотворения. Политический памфлет. Проза. Воспоминания. – Москва: Терра, 1994, с. 613.

*** Инбер В. Цветы на асфальте / Сост. Е. Голубовский, А. Яворская. – Одесса, 2000.

Что молодой шотландский фокс
Женат на кошке из Ангоры! –

И кошка, женщина в летах,
Прельстясь мальчишескою страстью,
Сложила вещи впопыхах,
Бросая родину для счастья!

Среди маисовых полей
На ферме зажили супруги,
Вкушали лук и сельдерей,
И обходились без прислуги.

И ровно, ровно через год
У них родился фоксокот!

* * *

Жил да был на свете еж,
Круглый и колючий,
Так что в руки не возьмешь,
Не пытайся лучше.

Забияка был тот еж,
Лез ко всякой роже;
Он на щетку был похож
И на муфту тоже.

У ежа с такой душой
Друг был закадычный,
Поросенок небольшой,
Но вполне приличный.

– Я да ты, да мы вдвоем, –
Еж кричит, бывало,
– Целый свет перевернем,
И того нам мало! –

Но однажды еж вошел –
В кухне пахло тленом...
И приятеля нашел
Он уже под хреном.

Еж воскликнул, слезы лья:
– Как ужасны люди!
Лучший друг, почти свинья,
И лежит на блюде... –

С той поры стал еж скромней,
(Вот так перемена!)
И боится он людей,
И боится хрена.

А теперь скажу вам все ж
По секрету, тихо:
Это вовсе был не еж –
А ежиха.

Октябрь 1921 г., Одесса

* * *

Один американский бар
Паштетом славился и виски,
Там были также и сосиски,
Но лучше всех там был омар.

Он, занимая важный пост
(На полке медную кастрюлю),
Так надоел лакею Жюлю,
Что тот плевал ему на хвост.

Лежал он год, лежал он два,
Ему меняли обстановку:

Петрушку, свеклу и морковь;
Он постарел едва-едва.

Но, доживая дни свои,
Влюбился он в свою соседку,
В одну усатую креветку,
И объяснился ей в любви.

Но в этот миг... всему конец.
Но в этот миг случилось чудо!
Жюль выложил его на блюдо,
Шепча сквозь зубы: «Вот подлец!»

И толстый лысый бегемот,
Который съел сего омара.
Был бледен, выходя из бара.
И отирал холодный пот.

Октябрь 1917 г., Москва

* * *

Увы! На жизни склоне сердца все пресыщённой,
И это очень жаль:
У маленького Джонни горячие ладони,
И зубы, как миндаль.

У маленького Джонни в улыбке, в жесте, в тоне
Так много острых чар.
И что б ни говорили о баре Пикаддили,
Но это славный бар.

Но ад ли это, рай ли, сигары и коктейли,
И кокаин подчас,
Разносит Джонни кроткий, а денди и кокотки
С него не сводят глаз.

Но Джонни – он спокоен. Никто не удостоен,
Невинен алый рот,
В зажженном им пожаре в Пикаддили баре
Он холоден – как лед.

Но хрупки льдины эти! Однажды на рассвете
Тоску ночей гоня,
От жажды умирая, в потоке горностая
Туда явилась я.

Бессонницей томима... Усталая от грима...
О возраст, полный гроз!
О жажда (ради Бога), любить еще немного
И целовать до слез.

Кто угадает сроки! На табурет высокий
Я села у окна,
В почтительном поклоне ко мне склонился Джонни,
Я бросила: «Вина».

С тех пор прошли недели, и мне уж надоели
И Джонни, и миндаль.
И выгнанный с позором, он нищим стал и вором...
И это очень жаль!

Июнь 1918 г. Одесса

* * *

Он юнга. Родина его Марсель.
Он обожает ссоры, брань и драки.
Он курит трубку, пьет крепчайший эль
И любит девушку из Нагасаки.

У ней такая маленькая грудь,
На ней татуированные знаки...

Но вот уходит юнга в дальний путь,
Расставшись с девушкой из Нагасаки.

Но и в ночи, когда ревет гроза,
И лежа в жаркие часы на баке,
Он вспоминает узкие глаза
И бредит девушкой из Нагасаки.

Янтарь, кораллы красные, как кровь,
И шелковую кофту цвета хаки,
И дикую, и нежную любовь
Везет он девушке из Нагасаки.

Приехал он. Спешит, едва дыша,
И узнает, что господин во фраке
Однажды вечером, наевшись гашиша,
Зарезал девушку из Нагасаки.

* * *

Маленький и нежный рот у Вилли,
Ясные глаза и быстрый ум.
Куртка с галуном без дыр и пыли:
Вилли-грум.

С каждым днем глядит он злей и суше,
Он всегда серьезен и угрюм.
У него породистые уши:
Вилли-грум.

И коснувшись раз его перчатки,
Золотистой-желтой, точно Мумм,
Я ему сказала очень сладко:
Вилли-грум!

Милый Вилли! Милый, милый Вилли!
Отвечайте мне без долгих дум –

Вы кого-нибудь когда-нибудь любили,
Вилли-грум?

Вы совсем не смотрите на даму,
На ее прическу и костюм.
Гляньте-ка в глаза мне, Вилли, прямо,
Вилли-грум.

Вы всегда сидите с кислой миной,
Морщитесь на самый легкий шум,
Разве не пора вам стать мужчиной,
Вилли-грум?

Вилли бросил вожжи. Кочки... Кручи...
Кэб перевернулся... Сделал: бум!
Ах, какой вы скверный, скверный кучер,
Вилли-грум!

Октябрь 1917 г., Москва

Публикация Алены Яворской

